

Закржевский Александр Карлович

Религия

**Психологические параллели.
Достоевский, З. Гиппиус, С.
Мережковский, Н.М. Минский, С.
Булгаков, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов,
Андрей Белый, Вячеслав Иванов,
Александр Блок, Александр
Добролюбов**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Карлович З.**
Религия: Психологические параллели. Достоевский, З. Гиппиус, С. Мережковский, Н.М. Минский, С. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Александр Блок, Александр Добролюбов / Закржевский Александр Карлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 486 с.

ISBN 978-5-519-85580-8

ISBN 978-5-519-85580-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Еслибъ кто мнѣ доказалъ, что Христосъ вѣ истинъ, и *дѣйстви- тельно* было бы, что истина вѣ Христа, то мнѣ лучше хотѣлось бы оставаться со Христомъ, нежели съ истиной.

Достоевскій.

(изъ письма къ Н. Д. Фопъ-Визинной).

Недостаткомъ религін объясняется гибель Ницше. Человѣкъ можетъ погибнуть только отъ недостатка религін, ни отъ чего другого. Ужасный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ гениальный человѣкъ. Гениальный человѣкъ—самый религіозный и если его покидаетъ религія, то его покинулъ и гений.

Отто Вейнингсръ.

Знаете-ли вы, что религія есть самое важное, самое первое, самое нужное? Кто этого не знаетъ, съ тѣмъ не для чего произносить „А“ сиоровъ, разговоровъ.

Мимо такого нужно просто *пройти*. Обойти его *молчаньемъ*.

Но кто это знаетъ? Многіе-ли? Вотъ отчего въ наше время почти *не о чемъ и не съ кѣмъ* говорить.

В. Розановъ.

Нашъ путь степной, нашъ путь—
въ тоскѣ безбрежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!

Александръ Блокъ.

Прѣдисловіе.

Эта книга—третья часть задуманной мною трилогии о творчествѣ Достоевскаго въ связи его съ современностью и является какъ бы синтезомъ, въ которомъ примиряются противоположности первыхъ двухъ частей—„Подполья“ и „Карамазовщины“.

Для Достоевскаго эти три элемента („Подполье“, „Карамазовщина“ и „Религія“) не были послѣдовательными этапами творческаго развитія, но переплетались между собой почти въ каждомъ его произведеніи.

Но несомнѣнно, что дисгармоническія начала его творчества—духъ бунта и сатаны и духъ карамазовщины—искали постоянно для себя выхода и разрѣшенія, требовали своею демоническою напряженностью того освободительнаго выхода, той спасительной гармоніи, той божественной силы, благодаря которой являлась бы возможность не только сохраненія, но и утвержденія индивидуальной свободы. Этотъ выходъ, эта сила и эта гармонія открылись Достоевскому въ религіи. Такимъ образомъ религіозное сознаніе послужило для Достоевскаго не только синтезомъ, не

только сконцентрированіемъ дисгармоническихъ силъ его творчества, но также и утвержденіемъ его генія, внутреннимъ освобожденіемъ, спасшимъ его я отъ разложенія въ рабствѣ нигилизма, отрицанія и хаоса.

Не то въ современности: здѣсь эти три элемента наслѣдія Достоевскаго постоянно ферментируются въ хаотическихъ формахъ, здѣсь они раскалываются на тысячи осколковъ, здѣсь ихъ своеобразныя сплетенія образуютъ лабиринтъ безъ выхода. И нѣтъ для нихъ гармоническаго сочетанія, и нѣтъ объединяющаго синтеза, нѣтъ даже страстной искренности, въ которой бы засверкалъ огонь возрождающій—все въ разложеніи, и искры Достоевскаго, зароненныя въ современное сознаніе, лишь тлѣютъ, не потухая и не загораясь.

Современность—лишь тусклая параллель міросозерцанія Достоевскаго, иногда она является копіей, иногда видоизмѣняется въ чахлые побѣги оригинальности, иногда совершенно уходитъ въ сторону, пересѣкаясь съ параллелями прообраза робкими, неувѣренными линіями, но никогда не можетъ достигнуть совершенства, но вѣчно хранитъ въ тайникахъ своихъ какое то смутное ожиданіе, какую то робкую надежду проснуться и загорѣться новымъ огнемъ.

Современность лишена творчества, того динамическаго, мощнаго, подземнаго творчества, которое замѣчается у Достоевскаго, современность лишена горизонтовъ и невѣдомыхъ далей религіи, современность—въ разложеніи, въ потуханіи, въ концѣ. И искусство, и литература, и религія—иногда спортъ, иногда покушенія съ негодными средствами, иногда—улица, но никогда, или же въ очень рѣдкихъ случаяхъ—служеніе, восторгъ, литургія.

И въ этомъ—наше трагическое удаленіе отъ Достоевскаго, и въ этомъ же—позоръ нашего вѣка.

Самое большее, на что мы способны—это талантливое, иногда вдохновенное, иногда пророческое—*отрицаніе*. Мы всѣ—въ отрицаніи, въ непріятіи и въ разложеніи. Наше положительное—нуль; наше отрицательное (то, что въ насъ)—и сущность наша и наша надежда. Мы ничего не можемъ создать, мы стоимъ какъ бы на краю, гдѣ кончается міръ нашъ и гдѣ бездна тьмы, мы лишены всякой увѣренности, мы не ощущаемъ и не сознаемъ ничего въ себѣ, кромѣ пустоты, и единственная сила наша—крикъ, и единственный подвигъ нашъ—гибель.

Личность обезцвѣтилась, лишена содержанія. И никто не вѣритъ въ возможность зари. И даже въ безуміи нашемъ мы ничтожны и слабы.

Таково наше общее. Споры нѣтъ—есть исключенія, есть частности. Но дѣло не въ нихъ.

И вотъ—ради спасенія этого общаго, ради нашего внутренняго освобожденія, ради продолженія конченнаго пути—мы, какъ Достоевскій и по его наитію—снова подошли въ нашемъ сознаніи къ дверямъ религіи и церкви, снова приблизились къ мучительной и невѣдомой тайнѣ вѣковъ—ко Христу.

Насъ и здѣсь терзаютъ сомнѣнія, и здѣсь больше отчаянія и сладостнаго самообмана, нежели вѣры, и здѣсь тоска, и здѣсь пришибленность, но это—все, что осталось намъ, но это—единственный сохранившій для насъ обаяніе путь.

Мы знаемъ, что путь личности на самую крайнюю вершину развитія есть единственно реальный путь. Но мы знаемъ также, что есть точ-

ка на этой вершинѣ, гдѣ кончается путь и гдѣ необходимы или паденіе, или полетъ; но есть самая послѣдняя глубина личности, гдѣ ощущается ужасъ дна; но тамъ, гдѣ страданье отъ глубины достигаетъ своего апогея—начинается ледяная пустыня; но личность, распятая въ послѣдней мукѣ, требуетъ новыхъ творческихъ силъ извнѣ, требуетъ спасенья. И это спасеніе и эти силы—въ религіи.

И Христосъ поэтому есть полетъ личности надъ ея вершиною. Христосъ есть *укрѣпленіе* индивидуальной свободы, Христосъ есть творческое безуміе, начинающееся тамъ, гдѣ личность умираетъ, достигнувъ наивысшей своей точки.

✓ Именно для того, чтобы получить возможность идти дальше, а не назадъ, по пути индивидуализма—нужна религія. Религія такимъ образомъ является единственной движущей силой процесса индивидуализаціи.

^ Религія есть импульсъ къ вознесенію духа выше той точки, которая казалась предѣльной въ дорелигіозномъ сознаніи.

Религія есть апофеозъ я, доведеннаго до предѣловъ безконечности.

Религія—*крылья безумія*.

✓
Огношеніе Достоевскаго къ церкви страдаетъ неопредѣленностью. Онъ больше заботился о той роли, которую можетъ играть церковь въ жизни народной, для него церковь являлась лишь могучею силою, которая способна воссоединить разрозненные силы Руси, побѣдить атеизмъ и социализмъ и вообще содѣйствовать укрѣпленію православія и народности. И этою своею стороною онъ приближался къ

^

славянофиламъ. Но съ другой стороны—онъ былъ чуждъ имъ своимъ поверхностнымъ пониманіемъ церкви, какъ мистическаго организма. Современное религіозное сознаніе въ этомъ отношеніи сдѣлало большой шагъ впередъ: хотя въ основѣ своей оно хранить завѣты Достоевскаго относительно церкви, но идея послѣдней, благодаря славянофиламъ и философіи В. Соловьева—приняла теперь болѣе сложное обоснованіе. Понятіе церкви не какъ внѣшней организаціи, а какъ мистическаго организма—углубляется, расширяется, обогащается свѣжими струями, и, воспринявъ въ себя элементы современныхъ культурныхъ запросовъ и исканій,—выходить изъ рамокъ историческаго христіанства, стремясь къ творчеству церкви новой, грядущей, вселенской, удовлетворяющей запросамъ жизни и времени, связанной съ потребностями политики, науки, искусства...

Такимъ образомъ сохраняется отъ церкви исторической всего лишь основное ядро, вокругъ котораго формируется назрѣваніе новаго организма.

Но эта реформа церкви не имѣла ровно никакого вліянія на реальныя ея судьбы, эта реформа, эти исканія и эти чаянія оказались лишь продуктомъ поэтическихъ мечтаній „неохристіанъ“ и такъ и застыли въ узкомъ заколдованномъ кругѣ ихъ міровоззрѣнія. И какъ ожидавшееся соединеніе ихъ съ господствующею церковью, такъ равно и творчество новыхъ формъ церкви потерпѣли крушеніе.

Такимъ образомъ „неохристіане“ оказались въ сущности оторванными отъ православной церкви. И въ этомъ отношеніи снова замѣчается разница между ними и Достоевскимъ. Для Достоевскаго церковь была непоколебимымъ столпомъ православія и на-

родности—для нихъ лишь мечтой; Достоевскому церковъ не внушала никакихъ сомнѣній относительно ея истинности, современное религіозное сознание все насквозь пропитано ядомъ сомнѣній.

Но какъ Достоевскій, такъ равно и „неохристіане“ прошли мимо того пониманія церкви, которое, можетъ быть, болѣе всего приближается къ истинѣ—они потеряли изъ виду значеніе церкви какъ царства не отъ міра сего, какъ мистическаго ковчега среди потока вѣковъ, какъ силы, которая разрушаетъ міръ видимый, настоящій и жизнь видимую и реальную—во имя безумнаго чуда внѣ жизни, внѣ времени и пространства, внѣ бытія.

Характерно также отношеніе „неохристіанъ“ къ догмѣ. Это отношеніе часто колеблется, часто обнаруживаетъ признаки полнѣйшей неустойчивости, полнѣйшаго безсилія и неувѣренности въ себѣ. Они какъ будто поняли, что для нихъ кромѣ догмата ничего больше и не осталось, они ухватились за догматъ, какъ за послѣдній рычагъ религіи, они обнаружили лихорадочное рвеніе къ обоснованію догмата.

И иногда кажется, что догматъ дороже для нихъ, чѣмъ Христосъ.

Религія есть постоянная эволюція, постоянное развитіе, непрерывное творчество личности. Поэтому она противоположна догмѣ, ибо догма—это насильственное завершеніе потенциальнаго роста личности, это точка замерзанія, это непрерывный законъ омертвѣнія въ опредѣленной формѣ жизненной энергіи.

Вѣра Достоевскаго была по существу адогматична, она не умирала, она росла, она отличалась творчествомъ.

У современниковъ нѣтъ творчества, а есть догматы и послѣдній иногда замѣняетъ первое.

Но мы знаемъ, что религія должна быть не только вѣрна догматамъ, но также преслѣдовать творческую эволюцію, но мы знаемъ, что помимо догмъ—существуютъ въ религіи пути, прямо противоположные догмѣ и можетъ быть, именно въ нихъ наше спасеніе.

Въ крѣпкій узелъ связался нашъ духъ съ духомъ Достоевскаго; несмотря на всѣ выше изложенныя различія между нимъ и нами— мы всетаки проникнуты его идеями и исторія нашего религіознаго возрожденія есть какъ бы зеркало, въ которомъ снова во всей своей яркой силѣ отразился духъ гениальнаго писателя.

Въ трехъ моихъ книгахъ параллельно съ критикою творчества разсматриваемыхъ мною писателей—идетъ мой личный путь, путь моихъ собственныхъ исканій, моего душевнаго развитія и становленія.

Творчество мое—это не погруженіе я въ объектъ критики, не только сліяніе съ этимъ объектомъ и исчезновеніе въ немъ, не только творчество, но также— мое стремленіе къ отысканію смысла жизни. Такимъ образомъ то, что проводится мною какъ триада творческаго развитія Достоевскаго—является *сверхъ того* также и тезисомъ, антитезисомъ и синтезомъ моего личнаго міровоззрѣнія..

Александръ Закржевскій.

7 ноября 1912 г.
Кіевъ.

„Что совѣсть? Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ-же я мучаюсь? По привычкѣ. По всемірной человѣческой привычкѣ за семь тысячъ лѣтъ. Такъ отвыкнемъ и будемъ боги“!—Такъ говорилъ чортъ Ивану Карамазову.

Въ полночь, еле сдерживая безумную боль рыданія, уже въ полусознаніи, вяло боролся Иванъ Федоровичъ со своими искушеніями. Не могъ бороться. Впередн былъ сумасшедшій домъ.

Фридрихъ Нитцше, написавшій „Волю къ власти“, „По ту сторону добра и зла“, „Веселую науку“—тоже былъ въ такомъ же состояніи, въ состояніи сѣрой, тупой, грызущей тоски, и тоже сознавалъ, что кромѣ сумасшедшаго дома—пристани нѣтъ и не можетъ быть... Оба въ тоскѣ пребывали, оба шли по пути отрицанія, оба міръ разрушить хотѣли, совѣсть убить, душу убить—и оба отъ совѣсти и отъ потемокъ глубины душевной погибли, даже не погибли, а были раздавлены!... Конечно, Иванъ Карамазовъ былъ куда глубже Нитцше, вся философія этого послѣдняго была только частью его души, а созданная имъ гениальная легенда о великомъ инквизиторѣ въ тысячу разъ глубже, продуманнѣе и сильнѣе, чѣмъ

нищевскій „Антихристіанинъ“. Но отчего же они оба погибли? Не оттого ли, что та презираемая Иваномъ совѣсть, которую онъ такъ пытался преодолѣть, оказалась сильнѣе его, не оттого-ли, что Христось, всячески распинаемый и прокливаемый Нитцше, былъ и есть сильнѣе всѣхъ антихристовъ, и тѣхъ, которые идутъ противъ Него, которые всю жизнь свою посвящаютъ отрицанію Его и всяческой вѣры,—Онъ обрекаетъ на муки вѣчныя, на гнетъ, на тоску, на мертвую гниль, на раздавленное бытіе въ сумасшедшемъ домѣ?...

Отъ вѣка одна и та же трагедія, одно и то же дерзаніе, одинъ и тотъ же каиновъ путь въ Дамаскъ, и мракъ, и уныніе, и тошнота сатанинскихъ мукъ, а на пути внезапное облако неизрѣченного свѣта, и голосъ тихій, одна мелодія, одна чарующая боль укоризны:

— „Савль, Савль, зачѣмъ ты гонишь Меня? Трудно тебѣ идти противъ рожна“?...

Да, трудно, невыносимо, невозможно, невыносимо!...
 ✓ И всѣ отрицатели знаютъ это, и множество ихъ не знаютъ, зачѣмъ идутъ и къ чему идутъ, потому что даже цѣль свою они предали насмѣшкѣ, даже сознаніе свое предали сомнѣнію, даже бытіе собственное раздавили ироніей, безсиліемъ своимъ, страхомъ своимъ, мукой своей!

Въ томъ гниломъ, сыромъ подвалѣ въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, гдѣ впервые предсталъ предъ Достоевскимъ „мистическій ужасъ смерти“, онъ понялъ, что всѣ пути закрыты для его больной, для его изуродованной души, что если-бы даже въ сумасшедшій домъ поступилъ, то и тамъ надежда
 ^ на выздоровленіе убила бы душу тоской привычной,